

ДЕТЕКТИВНЫЙ
КОКТЕЙЛЬ

Елена ЛОГУНОВА

Подарок всем читателям!
Рецепт фирменного коктейля от автора!

ХИЖИНА
ТЕТИ ТОМЫ

Тяпа Иванова

Елена Логунова
Хижина тети Томы

«ЭКСМО»

2007

Логунова Е. И.

Хижина тети Тома / Е. И. Логунова — «Эксмо», 2007 — (Тяпа Иванова)

Разведясь с мужем, недотепа Таня приехала в курортный поселок поправить душевное и физическое здоровье. И совершенно неожиданно для себя стала объектом интереса... сразу трех красавцев! Сначала такое внимание ей польстило, а потом насторожило, особенно когда один из поклонников погиб, попав под аквабайк! Таня решила побольше узнать об остальных ухажерах и нашла в жилище самого настойчивого блокнот с записями о каждом своем шаге! Так, выходит, амурный интерес тут ни при чем? Но зачем она понадобилась этой странной троице?..

© Логунова Е. И., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Вместо предисловия	5
Глава 1	8
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Елена Логунова

Хижина тети Томы

Вместо предисловия За день до новой эры

– Лох – это судьба! – без тени сочувствия заявила Софи, выслушав слезливую историю моей жизни.

– Лох – это кустарник! – возразила я, пряча обиду и демонстрируя эрудицию.

– А я что говорю? Именно кустарник, – легко согласилась Софи. – Какие у него шансы стать высоким красивым деревом? Никаких! Так и будет всегда низкорослым корявым кустарником с дурацким именем!

Видит бог, у меня мало сходства с мачтовой сосной, поэтому «низкорослый корявый кустарник» я проглотила, но насчет имени Софи могла бы и промолчать, это было уже слишком. Я так и сказала ей, после чего перевернула пустое ведро вверх дном, с хрустом поставила его на гальку, уселась и спрятала лицо в ладонях.

– Эх ты, Нюня, Нюня! – насмешливо сказала Софи. – Очень правильно тебя родители назвали! Самое подходящее для тебя имя, лучше даже, чем Лох!

– Меня Таней зовут! – плаксиво напомнила я, но Софи меня не услышала.

Она тоже поставила ведро, только нормально, ручкой вверх, и теперь с веселым грохотом метала в емкость круглые белые камешки, сноровисто выбирая их из общей массы разноцветных гольшей. Я перестала кукситься, слезла со своего ведра, перевернула его и тоже поползла вдоль линии прибоя на четвереньках, сортируя облизанные морем камешки на товарные и нетоварные. Тетя Люся строго-настрого наказала нам с Софи собрать сегодня по четыре ведра белой гальки, и сделать это надо было до восьми часов. Во-первых, нельзя было опаздывать с грузом к утреннему поезду, во-вторых, сразу после завтрака на море вывалит толпа отдыхающих, и ползать по пляжу на карачках будет во всех смыслах неудобно.

Честно скажу, своего занятия я стесняюсь, хотя тетя Люся вполне аргументированно объяснила нам с Софи, какое это важное и нужное дело – тоннами собирать красивую белую гальку, которую москвичи потом мешками покупают в цветочном магазине для украшения своих дачных участков.

– Столица задыхается без экологически чистых материалов! – с чувством вещала тетя Люся.

Она, бывший партийный работник, настрополилась проводить политинформации, ей вещать – как с горки катиться.

– Мы, жители курортного рая, должны дать возможность нашим соотечественникам создать кусочек райского сада на каждом отдельно взятом дачном участке! Я вижу в этом наш гражданский долг.

На самом деле хитрая тетя Люся видит в этом деле свою личную прибыль, ей за каждое ведро халявной гальки, собранной с применением дешевой рабской силы, владелец московского магазина деньги платит. Пятьдесят рублей за ведро, по восемь ведер в день, и так целый год – на круг получается неплохая сумма.

Софи этой политической экономией прониклась и тягает камни на горку с таким энтузиазмом – куда до нее Сизифу! А я стесняюсь. Я вообще жутко стеснительная.

В детстве я была послушной тихой девочкой, не ребенок – мечта родителей. У меня были любящие и заботливые папочка с мамочкой и два комплекта дедушек-бабушек, с ними

я чувствовала себя как за стеной, да не просто каменной – Великой Китайской! Наверное, поэтому бойцовские качества моей натуры остались недоразвитыми.

Первым спохватился папа. Он перестал называть меня милым домашним именем Нюня и дал другое – Тяпа. Оба прозвища являлись вольными производными от имени Таня-Танюша, но папин вариант был более задиристым. Я могла в этом убедиться на примере соседской болонки, которая страдала манией величия и норовила вести себя как сенбернар, а звалась при этом тоже Тяпой. Кусачая четвероногая тезка мне не нравилась, откликаться на Тяпу я не желала, и вялая, безынициативная Нюня надолго получила преимущественные права.

Лет в пятнадцать я в этой кисейной барышне разочаровалась и с тех пор пытаюсь ее перевоспитать. Особого результата пока не видно, но слабые признаки внутренней борьбы окружающие все же замечают. Тетя Люся, например, наградила меня прозвищем Тихий Омут. Впрочем, возможно, таким образом она тактично намекает, что я, если бы захотела, могла бы работать как черт.

Я, вообще говоря, не ленива, хотя тяжелый физический труд в восторг меня не приводит. Также я не люблю публичных выступлений, и уж совсем не по душе мне ответственная роль начальника. Два месяца классного руководства в средней школе не только хамку Тяпу, но и рохлю Нюню привели к выводу, что даже безнравственный тет-а-тет в борделе был бы, пожалуй, предпочтительней малооплачиваемого публичного позорища в пятом «Б»!

Мое амплуа – добросовестный подчиненный на интересной работе. Поэтому я очень обрадовалась, когда в обеденный перерыв тетя Люся объявила, что завтра камни собирать не придется, она бросит нас с Софи на другой участок.

– Сонечка будет носить хачапури! – объявила хозяйка, и Софи захлопала в ладоши, как будто это такое большое счастье – снова по пляжу с коробкой пирогов и истошными криками: «А вот кому хачапури! Горячие хачапури!»

Я бы на месте Софи умерла со стыда, а перед смертью попыталась организовать повтор библейского чуда с бесплатным кормлением толпы голодных семью хлебами, за что жадная тетя Люся потом распяла бы меня в полном соответствии с историческим примером.

Должно быть, эта крамольная мысль отразилась на моем лице, потому что меня хозяйка в лоточницы не наладила.

– А для тебя, Танечка, есть творческая работа! – торжественно сказала она и сделала театральную паузу.

Я не спешила заполнить ее аплодисментами. Творческой работой в понимании тети Сони вполне могла оказаться пламенная агитация курортников в турпоход к водопадам, которые в такую жару давно пересохли, или вербовка прибывающих в поселок неорганизованных отдыхающих в ряды хозяйских постояльцев.

– Моему художнику вновь нужен материал для работы, – не дождавшись от меня проявлений бурной радости, объяснила тетя Люся. – Он просит срочно выслать ему десять-пятнадцать кило. Соберешь до конца недели?

Я кивнула и соблагОВОлила улыбнуться. Я еще не знала, что мне только что возвестили о начале новой эры в моей собственной истории.

Полученная работа казалась мне более или менее приятной. Один бывший тети-Люсин постоялец – она с гордостью называет его «мой художник» – наострил клеем шикарные витражи из обкатанных морем бутылочных стеклышек. Эти произведения успешно продаются, художник хорошо зарабатывает, отдыхать он ездит уже не к нам, а за границу, и материал для изготовления своих работ собирает не сам лично, а руками тети-Люсиных батраков. Дело-то нехитрое: знай ходи себе по мокрой гальке в полосе прибоя и высматривай цветные стеклышки. Блеснет под ногами зеленый огонек – цепко выхватывай его из-под накатывающей волны, любуйся фальшивым изумрудом, смотри сквозь него на солнышко... Согласитесь, это куда более романтично, чем игра в мини-бульдозер на россыпи камней!

Моя история началась на следующий день.

Глава 1

Кто хочет взять миллионера?

Я отправилась на свою тихую охоту ранним утром, но оказалась не первым человеком, выдвинувшимся с нашего двора: по многоступенчатой лестнице пытался ездить на малорослом велосипеде Гера, любимый внук тети Люси. Выглядел он, как обычно, колоритно и по цветовой гамме напоминал светофор: в шлеме, похожем на оранжевый кабачок, зеленой майке с изображением неведомого земной науке монстра и красных бриджах со множеством огромных накладных карманов.

– Эй, Танюшка! – радостно приветствовала меня эта яркая личность. – Смотри, как я могу!

Я посмотрела. Гера прямо на ступеньке поднял свой карликовый велик на дыбы и опасно покрутился на одном заднем колесе.

– Отлично, – вежливо сказала я. И не удержалась от вопроса: – А зачем это? Сломаешь велосипед или, не дай бог, шею!

– Так надо! Ты что, совсем темная? – Гера обиделся. – Это же велотриал!

Желая меня поразить, он продемонстрировал на лестничной площадке чудеса велоакробатики, в результате которых у меня сложилось впечатление, что велотриал – это весьма затейливый, энергоемкий, но быстрый способ сменить велик на инвалидную коляску.

– Шел бы ты лучше плавать! – посоветовала я Гере. – Плавание – наименее травматичный вид спорта.

И тут же вспомнила, что Гера плавает не сам по себе, а на специальной доске, весьма большой, что в сочетании с высокими волнами вполне может привести к определенным увечьям. Подозреваю, что Герина вихрастая голова уже не раз вступала в плотный контакт с разнообразными твердыми предметами и поверхностями и это отрицательно сказалось на его мозгах. Пацану уже шестнадцать лет, а он думает только о роликах, великах, скейтах, досках, парашютах и прочих опасных игрушках. Многочисленные обитатели тети-Люсиного двора зовут Геру Экстремальчиком.

Попрощавшись с гарцующим Герой, я сошла к морю. Солнце еще не выкатилось из-за горы, затеняющей пляж, было прохладно, и я порадовалась, что надела кофточку с длинными рукавами и джинсы. Впрочем, я и жарким днем ползала по пляжу не в купальнике, а в длинном платье с закрытыми плечами: не хотела обгорать на солнце да и лишний раз демонстрировать свое тело тоже.

Я не питаю иллюзий по поводу своей внешности. И лицо, и фигура у меня самые обыкновенные. Без существенных дефектов, но и без особых достоинств. Если бы я пережила кораблекрушение и оказалась на острове, тамошний Робинзон был бы вполне счастлив, но мужчины, имеющие возможность более широкого выбора, обычно отдают предпочтение не мне. Именно поэтому я в свое время без раздумий вышла замуж за первого же желающего: боялась остаться старой девой. Спасибо Сашке, в девках я не засиделась, но и в супружеской постели не залежалась, потому что он уже через полгода после свадьбы всерьез начал задаваться вопросом, который с самого начала мучил меня: почему он сделал мне предложение? Спросить я стеснялась, но, когда Сашка сам заговорил на эту тему, быстро согласилась считать наш брак ошибкой, подлежащей немедленному исправлению.

Собственно, в непрезентабельный курятник тети Люси меня привела именно работа над ошибками. В приступе активного самоедства и при подстрекательстве мятежной Тяпы я решила изменить свою жизнь резко и до неузнаваемости. Развелась с Сашкой, нахамила забот-

ливым родителям и уехала из города в курортную тмутаракань – спать в курятнике, батрачить за кров и стол на чужую тетю и искать на каменистом пляже стекляшки и смысл жизни.

Неизбежное ведро я пристроила под кустиком и пошла вдоль моря с одной легкой пластмассовой бутылкой. Диаметр ее горлышка соответствовал максимальному размеру стекляшек, пригодных для витражных работ.

Вода была спокойной. Зеленые, голубые, опаловые и янтарные стекляшки попадались во множестве, я увлеклась, смотрела главным образом себе под ноги и заметила лежащего на гальке человека, только подойдя к нему вплотную.

Мужчина в мокром белом костюме был похож на миллионера, смытого с борта яхты. Он лежал неподвижно, как неживой, на спине, с закрытыми глазами, широко раскинув руки и ноги. Сдуру я подумала, что передо мной утопленник, хотя могла бы сообразить, что море совершенно спокойно, и, значит, выбросить на берег волной его не могло. А если парень вышел из воды самостоятельно, то он точно не утопленник.

Вместо того чтобы здраво рассудить и пройти мимо, я отбросила в сторону сомнения и бутылку со стеклами, упала на колени и принялась оказывать предполагаемому миллионеру первую помощь, как того требовали мое врожденное благородство и установленный у входа на пляж плакат-комикс «Спасение утопающих».

Что ни говори, а искусственное дыхание рот в рот – очень действенный прием! Я только начала реанимационный процесс, как лжеутопленник открыл глаза, сомкнул руки за моей спиной и сделал рывок. Мы перевернулись, и он оказался сверху. Такая перемена мест слагаемых меня дико напугала, я хотела заорать, но не смогла, потому что миллионер здорово меня придавил, и от безысходности я выпалила прямо в настороженные зеленые глаза:

– Ты, козел-собака! У меня заболевание, передающееся половым путем!

Этому приему морального устрашения меня еще на первом курсе обучила соседка по общежитию Райка Лебзон. В ее версии, правда, использовались более крепкие ругательства, да и сам текст был короче и выразительней: «Б..., с..., у меня сифилис!» При этом «б...» и «с...» почему-то упоминались непременно во множественном числе. Видимо, подсознательно Райка твердо рассчитывала на групповуху, которую впоследствии и получила в повседневное пользование, устроившись на работу в израильский бордель. Ничего, довольна жизнью, прислала мне как-то письмецо, в котором с теплым чувством благодарности вспоминала первую родину и сообщала, что владение языком ей очень пригодилось. Не знаю, правда, что именно она имела в виду.

У самой-то у меня лингвистические способности умеренные, хотя великим русским матерным я, например, тоже владею – чисто теоретически. У меня только практики нет, слова на «б» и «с» я произнести не могу, стесняюсь.

Мысли о Райке с ее Израилем и русском языке со всеми его буквами образовали в моем мозгу фон, на котором пламенными письменами высвечивались истерические телепатемы: «Ай-яй-яй! Помогите, спасите, помилуйте!» Это визжала насмерть перепуганная Нюня. Со мной всегда так: в пиковой ситуации сознание расщепляется, и, пока трусиха Нюня стучит зубами, нахалка Тяпа зубы скалит.

Подмоченный миллионер, очевидно, тоже был из породы нахалов. В ответ на сообщение об огорчительном нездоровье моей половой сферы он усмехнулся, недоверчиво заломил соболиную бровь и авторитетно сообщил:

– Чтоб вы знали, милая, слабоумие посредством сексуального контакта не передается!

– Да? А как же, по наследству? – возразила я.

Глупо было затевать дискуссию с противником, имеющим ощутимое преимущество в весе и занимающим стратегическую высоту на моем собственном теле, но Тяпа пошла вразнос и совершенно хамски добавила:

– Как, например, в вашем случае!

– Наглая особа! – как мне показалось, с одобрением констатировал миллионер. – Как вас зовут, нахалка?

– Тя... Таня! – застенчиво ответила Нюня, а Тяпа, отправленная на задворки души современным пинком, в полете тьякнула: «Секс – это еще не повод для знакомства!»

– А секса и не было! – машинально возразила ей воспрянувшая Нюня, по недосмотру сказав эти слова вслух.

– Ну, это дело поправимое! – заявил бойкий миллионер и совершил корпусом волнообразное движение, более грациозный вариант которого демонстрируют на суше дрессированные тюлени.

Тут уже Нюня с Тяпой взвыли в два голоса, а я дернулась и успешно стряхнула зазевавшегося миллионера на гальку.

Нужно ли добавлять, что он треснулся башкой о камень, закрыл глаза и затих, после чего мне вновь пришлось делать ему искусственное дыхание.

– А целуешься ты классно! – заявил мой пациент через минуту. Затем он открыл глаза и светски спросил:

– Не возражаешь, если мы перейдем на «ты»?

После поцелуя, за качество исполнения которого я получила столь высокую оценку, возражать было поздно. К тому же комплимент мне польстил, классно целоваться по методу «рот в рот» я училась на пластмассовом манекене в кабинете военно-медицинской подготовки, и доктор Карагезян всегда критиковала мою вольную манеру обнимать воображаемого пострадавшего за шею.

– Я Рома, – сказал мой новый знакомый и улыбнулся так, что я загляделась.

Глаза у Ромы были зеленые, как морские стекляшки, скулы широкие, нос прямой, а подбородок раздвоенный. Волосы русые, с рыжиной, аккуратно подстриженные «под горшок». Незатейливая прическа Ивана-дурака шла ему необычайно, и мне внезапно захотелось вздохнуть эти густые рыжеватые волосы пятерней.

– Что смотришь? Нравлюсь? – улыбувшись еще шире, спросил меня наглец.

– Смотрю, купальный костюм у тебя оригинальный! – съязвила я в ответ. – От Кардена?

– От Диора, – важно ответил он. Потом сел и сосредоточенно охлопал себя по карманам. – Ч-черт! Где все? Бумажник, мобильник, ключи, очки? Неужели сперли?

– Или ты их сам потерял во время заплыва, – подсказала я куда менее вероятную версию.

Как местная шпана пылесосит карманы приезжих, которые по пьяни или по глупости устраиваются поспать на пляже, нам с Софи в первый же день в красках рассказала тетя Люся. После знакомства с условиями проживания в ее курятнике нас посетила мысль обосноваться в самодельном шалашике на скалистом берегу, в чем тетя Люся была материально не заинтересована.

– А почему это я мокрый? – вдруг озабоченно спросил Рома, и я фыркнула.

Мужики – занятные существа! К сексу они, видите ли, готовы сразу по приходе в сознание, а вот реальность, данную им в малоэротичных ощущениях, воспринимают замедленно.

– Спроси еще: «Где я?» – насмешливо подсказала я.

– Тоже хороший вопрос! – согласился Рома, растрепав свою шевелюру именно так, как это хотела сделать я.

Он с неподдельным интересом осмотрел пустой берег и чистую морскую даль, пробормотал: «Похоже на Крым?» – и уставился на меня с немим вопросом.

– Крым и Рым, – сказала я, не зная, верить ли в Ромину амнезию. Что, если он притворяется беспмятным в расчете на новый сеанс оздоровительных поцелуев? – Ты, случаем, не алкаш?

– А разве похож? – Он забеспокоился и попытался разглядеть ладонями помятые брюки. Я сделала поправку на несомненное качество костюма:

– Или ты сильно пьющий миллионер? Перебрал шампанского с трюфелями и упал за борт собственной яхты?

– Такой вариант мне больше нравится, – признался Рома, встав на ноги и вытянув шею в тщетной попытке заглянуть за горизонт, где могла прятаться его бесхозная яхта.

– Дыхни! – потребовала я. – Фу-у-у!

– Так уж прям и «фу»? – обиделся Рома. – А чего ж ты тогда целоваться лезла?

Объяснять дураку, что я делала ему искусственное дыхание, не имело смысла – все равно не поверит. Он хоть и дурак, но красавчик, а красавчики твердо убеждены в том, что обыкновенная женщина душу продаст, чтобы добраться до белого комиссарского тела.

– Ты пил, это точно, – сказала я. – Где и с кем, не помнишь?

Рома надолго задумался. Чтобы не мешать ему мыслить, я подобрала свою бутылку и пошла дальше собирать стекляшки. Беспамятный красавчик нетвердой походкой поплелся следом, поминутно оскальзываясь на мокрой гальке и полоща в морской воде туфли и штанины. Я старалась не обращать на него внимания, сосредоточилась на работе и заполнила бутылку за полчаса. Пока я высыпала собранные стекляшки в ведро, Рома топтался в отдалении, но потом снова приблизился, чтобы поделиться со мной результатами своих мучительных раздумий.

Ему удалось извлечь из своей дырявой памяти обрывки, из которых в общих чертах складывалась картина бурного загула в компании незнакомой декольтированной девицы и «однорукого бандита», одинаково жадных до денег. Деньги у Ромы сначала были в большом количестве, а потом как-то внезапно кончились вовсе, после чего грудастая красотка и «однорукий бандит» превратились в одного мордоворота с могучей грудью и нормальным количеством верхних конечностей, и уже он, этот мордоворот, воздушным путем перебросил Ромино тело на ночной пляж. Совсем смутно помнились десантнику жесткая посадка на прибрежные камни и лунная дорожка на темной воде, о которой он сказал, что она была теплой, из чего следовало, что купаться дурак полез по собственному почину.

– А раздеваться я не стал потому, что по пляжу слонялись какие-то подозрительные личности, и я боялся, что меня обворуют! – сказал красавчик.

– Тебя и так обворовали, – безжалостно напомнила я.

– Слушай, а зачем ты собираешь эту ерундень? – нехстати поинтересовался Рома, указав на бутылку, которую я за разговором успела наполнить до половины. – У тебя собственный стекольный заводик простаивает без сырья?

– Нет у меня своего заводика, не надейся, я бедная невеста! – предупредила я.

– Это плохо! – закручинился Рома. – Я тоже бедный, а мне кушать хочется!

Он жалобно посмотрел на меня, а я вздохнула и нахмурилась, прислушиваясь к спору Нюни с Тяпой.

– Бедненький мальчик, такой хорошенький! – печалилась сердобольная Нюня. – Без гроша в кармане, и знакомых никого, кроме нас! Давайте его подберем, накормим и обогреем.

– Подобрать не проблема, накормить тоже, – сказала циничная Тяпа. – А только где мы его обогревать будем? В тети-Люсином курятнике на шесть персон? Боюсь, соседки по бараку пожелают включиться, и получится у нас бордель почище израильского!

– Стыдно мне за тебя! – строго сказала я Тяпе, а Рома принял сказанное на свой счет и потупился.

Однако сквозь занавесившие лицо рыжие лохмы весело поблескивал разбойный зеленый глаз, и я подумала, что Тяпа моя где-то права, есть в ее словах какая-то сермяжная истина... В смысле, хорошо бы ни с кем не делиться.

– Ты, случайно, не дальтоник? – спросила я своего разорившегося миллионера.

– Нет, а что? – ответил он, заметно удивившись вопросу.

– Значит, зеленое различаешь, – кивнула я. – Тогда держи бутылку и помогай мне собирать стекляшки. Чем раньше мы наполним ведро, тем скорее ты получишь завтрак.

– Есть время разбрасывать камни и время их собирать! – возвестил Рома и принялся за работу.

К девяти часам, когда пляж заполнился народом и в полосе прибоя стало тесно, как в метро в час пик, мы наполнили небольшое ведро почти доверху.

– Не меньше трех кило! – объявил мой помощник, взвесив груз в руке. – Давай я понесу, тебе тяжело будет.

– Какой мужчина! – ахнула растроганная Нюня.

– Важно, не какой мужчина, а чей! – пробурчала Тяпа, начиная ревновать Рому к полуголым девам, поглядывающим на нашего красавчика с откровенным интересом. – Эх, зря мы все-таки в переполненном курятнике поселились! Вот досада-то! Есть роскошный мужик – и некуда его привести!

Я помалкивала, но смотрела в спину шагающего впереди Романа со смешанным чувством радости и досады. В самом деле, Тяпа моя совсем не дура, надо мне почаще к ней прислушиваться!

– Ну вот, я повторил подвиг Сизифа! – сказал Рома, успешно преодолев крутую лестницу. – Куда теперь?

– Вперед, только вперед! – ответила я и махнула рукой в сторону сложного сооружения со множеством балкончиков и пристроек, украшенного протяженной лживой вывеской: «Есть свободные места для отдыха и сна! Спокойно и недорого!»

– Спишь спокойно, да? – покосился на меня Рома.

– Не трави душу! – ляпнула я с подачи сексуально озабоченной Тяпы, о чем под нажимом Нюни сразу же пожалела, но слово уже вылетело и, судя по улыбке моего собеседника, было понято им совершенно правильно. И не только им.

– Вот козел-собака! – выругалась Тяпа. – Нюнька, смотри, что делается! Никак наша дура надумала влюбиться!

Подмоченный и помятый красавчик развернул плечи и заблестел глазами, а я скрипнула зубами и нечеловеческим усилием воли удержалась, чтобы не оглядеться в поисках покупателя на мою грешную душу. Влюбляться, так и не найдя смысл жизни, не хотелось, но было ощущение, что переживать по этому поводу не стоит, поздно уже. Зеленоглазый наглец успел пленить мое сердце.

Утешало только одно: превратившись из миллионера в нищего, Рома должен был сделаться существенно менее привлекательным для алчных девиц вроде давешней декольтированной красотки. Тем не менее мы с Нюней малодушно задрожали, страхась конкурентной борьбы. А тут еще вертихвостка Софи, едва увидев моего спутника в окошко, сделала большие коровьи глаза, свесила вымя за подоконник и заговорила томным голосом с придыханием:

– Здра-авствуйте! Ну же, Нюня, познакомь девушку с молодым человеком!

– Нюня? – заинтересовался Рома.

– Молодой человек – это девушка, девушка – это молодой человек! – сердито выдохнула я и потащила красавчика мимо пустившей слюни Софи в офис тети Люси.

– Тань, а кто это – Нюня? – спросил Рома по дороге в виноградную беседку, которая заменяла нашей хозяйке кабинет.

– Да есть одна такая... – Мне не хотелось сейчас распространяться о своей триединой сущности.

Тетя Люся покачивалась в плетеном кресле и читала Стейнбека. Несмотря на обилие на книжных лотках новых произведений, бывшая партработница всегда читает только проверенные временем и политически выдержанные произведения.

– Ну и? – спросила она, увидев нас, и закрыла книжку, сунув между страницами вместо закладки сломанные очки без дужек.

– Вот! – в том же лаконичном стиле ответила я и вытолкнула вперед Рому.

– Постоялец? – спросила тетя Люся, с интересом оглядев молодого человека с растрепанной головы до мокрых ног.

– Никак нет, мэм! – гаркнул Рома, вытянувшись во фрунт.

– В каком полку служили, поручик? – сердито прошипела я ему в ухо. – Давай без «мэм», тут американизмы не в ходу.

– Я тетя Люся! – посуровев, сообщила моя хозяйка так величественно, словно далее по умолчанию следовал титул «Божьей Милостью королева Англии».

– Товарищ тетя Люся! – мгновенно сменил пластинку смущенный красавчик. – Разрешите представиться: я Роман! Прибыл в ваше полное распоряжение!

– Полное, говоришь? – Наша королева повторно оглядела добровольного вассала.

Взгляд был оценивающий, и моя Тяпа занервничала:

– Чего глазеет ведьма старая?

– У него денег нет и жить негде, но он работающий! – поспешно сказала я.

– Работающий, – задумчиво повторила хозяйка, вновь пройдясь по фигуре парня инспекторским взглядом.

Тут уже и я заволновалась. Тетя Люся – дама энергичная, с большим вкусом не только к деньгам, но и к радостям жизни. А ну как она сейчас назначит моего красавчика на особо творческую работу в свою опочивальню?

– Теть Люсь, его пожалеть надо! – заканючила я, призвав в помощницы мастерицу нытья и плача Нюню. – Хороший парень, хоть и выпивает иногда, а как ему не выпивать, если у него жена-стерва налево бегаёт, а он на нервной почве потенции напрочь лишился?

Рома поперхнулся возмущенным возгласом и в приступе кашля согнулся пополам.

– И здоровье совсем потерял! – закончила я, умело использовав ситуацию.

– Лечиться надо, – веско сказала на это тетя Люся и задумчиво потерла лоб.

Мы в почтительном молчании ждали монаршего волеизъявления и дождались.

– Я тебя в санаторий устрою! – объявила хозяйка.

Я вытаращила глаза, не смея верить сказанному. Тетя Люся, которую в поселке за глаза называют старушкой-процентщицей, за свой счет купит чужому человеку путевку в санаторий?!

– В «Жемчужном колосе» срочно нужен смотритель бассейна, – сказала меж тем хозяйка. – Две тысячи рублей в месяц.

– Две тысячи? Мне? – повторил Рома.

По тону чувствовалось, что ничтожность суммы не соответствует его самооценке.

– Две тысячи мне, – твердо сказала тетя Люся. – Комиссионные. Ведь это я устраиваю тебя на работу, не так ли?

Мне полегчало. Зря я тревожилась, хозяйка в полном порядке, ведет себя совершенно нормально – как паук-кровосос.

– Тебе будут платить три, и на тысячу ты вполне проживешь, потому что тебе дадут жилье и позволят питаться в столовой после отдыхающих, – объяснила хозяйка. – Так вся обслуга живет.

Рома не выглядел счастливым, и тетя Люся сочла нужным его подбодрить.

– Ничего, сыт будешь! – пообещала она. – За отдыхающими остается очень много еды. Особенно плохо они кушают манку.

– Я тоже плохо кушаю манку! – пожаловался мне Рома, когда мы вышли из офисной беседки и удалились за пределы слышимости.

– А сейчас? – спросила я вредным голосом Тяпы.

– Сейчас съел бы, – прислушавшись к урчанию в пустом желудке, грустно признался красавчик.

– Вот и не выпендривайся! И знаешь что? Раздевайся!

– Здесь? – удивился он, повертев головой и послав мимолетную улыбку жадно глазающей на нас Софи. – Сейчас?! Танька, одумайся, люди же кругом! – И красавец вопреки сказанному с готовностью расстегнул ремень на штанах.

– Застегнись! – рявкнула я. – Ты что подумал? Я тебя просто переодеть хочу, чтобы ты не был похож на короля в изгнании! Королю небось и трех тысяч не заплатят, одной манкой откупятся. Стой, где стоишь, я тебе другую одежду принесу!

Он замер вблизи барбарисового куста, как парковая скульптура, а я метнулась к себе в курятник, спешно отыскала в шкафу чистые бриджи и футболку и принесла все это Роме. Он уже не стоял под кустом один, а сидел на лавочке в компании Софи, с удовольствием поедая хачапури. И Софи, зараза такая, заботливо держала наготове второй пирог и бумажную салфеточку.

– Сонечка, тебя там тетя Люся зовет! – соврала я. – Срочно!

– Я не прощаюсь! – проворковала Софи, неохотно отклеиваясь от лавочки.

– Зря! – сказала я и забрала у нее хачапури и салфетку.

– Очень милая девушка! – радостно сказал Рома, проводив благосклонным взглядом круглую попу Софи.

Я сердито подумала, что Соньке не помешало бы похудеть. Ишь, отрастила себе задницу, весь обзор закрывает, мешаешь пейзажем любоваться!

– Лезь под куст и переоденься, – велела я парню. – Да поторопись, надо побыстрее шагать в «Жемчужный колос», пока вакансию не заняли. Мало ли желающих целых три тысячи получать и дармовую манку трескать!

Мои бриджи были Роме коротковаты, а майка откровенно тесна.

– Как я выгляжу? – с беспокойством спросил он, продравшись сквозь завесу зеленых веток.

– Как сирота казанская! – едва не всплакнула Нюня.

– Шикарный прикид! – весело сказала Тяпа. – Секонд-хенд от-кутюр! В таком виде ты смело можешь просить в столовой добавки, тебе даже нищий бомж захочет оказать гуманитарную помощь!

Я забрала у бывшего красавчика сверток с костюмом от Диора, дав взамен пирог, которым он и утешился.

В одиннадцать часов дня экс-миллионер уже был принят на работу в санаторий «Жемчужный колос», получил ключ от щелястого деревянного домика размером с хорошую собачью будку, познакомился с поварихой, ответственной за раздачу сырым и убогим неликвидной манки, и приступил к своим обязанностям смотрителя бассейна.

– Разумеется, без документов мы не можем оформить вас на работу официально, – сказала, вручая ему ведро и сачок, директриса заведения. – Это нарушение с нашей стороны, но за вас попросил и поручился проверенный товарищ... В общем, можете взять в кассе тысячу рублей авансом, бухгалтера я предупрежу. Кстати, как ваша фамилия?

– Иванов! – бодро отозвался тети-Люсин протеже. – Роман Иванович Иванов!

– Врет! – оценив избыточную искренность тона, убежденно шепнула Тяпа.

И на сей раз я и Нюня с ней согласились.

Глава 2

Мироздание нам поможет!

Послеполуденную жару мы с Софи пережидали в нашем курятнике. Четыре тетки, составляющие нам компанию по ночам, с утра до вечера кухарят у тети-Люсиного соседа Артура. Он владелец полуподпольной пекарни, снабжающей выпечкой в ассортименте всех пляжных разносчиц. С нашей хозяйкой у Артура давняя дружба, ей он уступает свою продукцию чуть дешевле, чем другим оптовым покупателям, что позволяет тете Люсе устанавливать на пироги демпинговые цены. Так, наша Софи реализует хачапури по девятнадцать рублей, а конкурирующие лоточницы – по двадцать. Иногда, если Соньке очень хочется распродать товар побыстрее, она сбавляет цену еще на рубль и выигрывает время на отдых, при этом теряя деньги: этот самый рубль – ее собственная прибыль, остальные восемнадцать рэ идут в бездонный карман хозяйки. Кроме того, у Софи, в отличие от других лоточниц, имеющих дело с круглыми суммами, постоянно напряженка с разменной монетой для сдачи. Поэтому она вынуждена дружить с владельцем игрового клуба Аскером Ачмизовым. Тот лопатой выгребает металлические деньги из своих автоматов, и разменять приятной девушке сотню-другую рублей серебром для него не проблема.

На сей раз один из Аскеровых пятакон Соньке особенно пригодился: она положила его сначала в морозилку, а потом на свой левый глаз, медленно, но верно заплывающий синевой. Фингалом Софи наградила одна из конкуренток, очень недовольная ее финансовой политикой. Таким образом, досрочно распродав свои хачапури по восемнадцать рупий, Софи могла завалиться в койку сразу после обеда и преспокойно спать аж до утра: на приличные развлечения и перспективные ночные знакомства с синяком под глазом рассчитывать не стоило. По этому поводу я выразила соседке сочувствие, которое было тем более искренним, что подкреплялось эгоистической радостью. С таким фонарем Софи не рискнет заигрывать с моим красавчиком. Одной меньше!

В третьем часу пополудни было неописуемо жарко. Мы распахнули настежь дверь, оба окошка и люк на жилой чердак, именуемый голубятней и в полном соответствии с названием заселенный парочкой сладких мальчиков. Левик и Вовик, будущие стилисты-визажисты, учатся в какой-то дорогушей парикмахерской школе и в поте лица зарабатывают на следующий курс – день-деньской прямо на пляже плетут всем желающим французские и африканские косички. Тетя Люся с ними в доле. Она выделила мальчикам не только место для ночлега, но также пластмассовый стол, два стула, один большой зонт и «крышу» в лице своего племянника Борьки.

С Левиком и Вовиком мы дружим, с ними занятно иной раз поболтать. К тому же мальчики бесплатно делают нам с Софи невероятные вечерние прически и стильный макияж, при наличии которых даже я с моей умеренной красотой становлюсь заметна в праздничной толпе.

– Может, Левик с Вовиком смогут замазать мой фингал? – без особой надежды мечтала Софи, покачиваясь в продавленной койке, как пират в гамаке. Левое око, накрытое металлическим кружочком, только подчеркивало сходство с одноглазым бандитом. – Я сегодня на пляже таких парней видела – ум-м-м! Объедение! В студенческий спортивный лагерь на новую смену пловцы заехали.

– Не в мужиках счастье, – назидательно сказала наивная Нюня.

– Обычно так говорят про деньги, – заметила Софи.

– Не в деньгах счастье, – учла поправку Нюня.

– Ну, ты даешь! – Софи села в кровати и с изумлением посмотрела на меня единственным здоровым глазом. – И не в деньгах счастье, и не в мужиках! А в чем же тогда?

Нюня задумалась. Тяпа воспользовалась моментом и вылезла со своей версией:

– Счастье, это когда не думаешь ни о деньгах, ни о мужиках, потому что имеешь их сколько хочешь!

– Уж я бы поимела! – мечтательно обронила Софи, рушась обратно в койку.

Она лениво обмахнулась журналом, потом раскрыла его и спросила:

– Ты эту прелесть читала?

– Ага.

Журнальная статья, которую Софи назвала прелестью, мне тоже запомнилась. Автор материала, какая-то модная модельерша, со вкусом рассказывала, что с чем носить и где покупать, а между делом выдавала прелюбопытную мысль. Она сводилась к практическому совету: если вам ужасно хочется приобрести какую-то вещь, а денег на нее в бюджете нет, не огорчайтесь. Смело транжирьте средства, предназначенные для покупки хлеба, сигарет, детского питания и прочих жизненно важных товаров. Образовавшаяся финансовая дыра затянется самопроизвольно, потому что мироздание точно знает, каков ваш прожиточный минимум, и, если вы его просадите не по назначению, добренькое мироздание непременно подбросит вам еще!

Очень понравилась мне идея возложить ответственность за сведение дебета с кредитом на крепкие плечи мироздания!

– Я вот о чем думаю... – Софи беспокойно заворочалась. – Может, это универсальный принцип? Может, он не только на деньги распространяется? Мирозданию-то чего мелочиться, оно великое и потому должно действовать широко, с размахом, ведь правда?

Я посмотрела на соседку с уважением. Чтобы додуматься до такой философской мысли со средним специальным образованием то ли прядильщицы, то ли мотальщицы, нужно быть незаурядной женщиной! Впрочем, я уже знала, что Софи далеко не дура. Дура не смогла бы за лето заколотить на пляже столько денег, чтобы остальные девять месяцев не пухнуть с голоду в своем городе невест с мамой-пенсионеркой и сыном-школьником.

– Что, если применить этот принцип к мужикам? – продолжала фантазировать Софи. – Предположим, мироздание точно знает, что мне жизненно необходим один мужик. Не какой-то конкретный, а вообще один. Одна штука! Это мой прожиточный минимум. И, предположим, я имеющегося в наличии мужика теряю. И что с того? Мироздание-то не дремлет! Оно просто обязано подбросить мне нового парня!

Я вдумалась в сказанное и обрадовалась:

– Значит, не зря я развелась с Сашкой! Может, это за него мне мироздание Ромку выдало!

– Надо мне завязывать с Аскерчиком, – пробормотала Софи. – Только зря место занимает, мирозданию отчетность путает! Глядишь, взамен какого-нибудь толкового мужика получу.

Мы улеглись в койки, замолчали и задумались. Во дворе шуршал шинами велосипед неумолимого Геры, в кустах оглушительно стрекотали цикады, сладко пахли дыни, сложенные горкой под стеной курятника, парусили на окнах застиранные ситцевые занавески. Я глядела в покрытый трещинами потолок и сонно думала: а что, если мой прожиточный минимум – не один мужик, а два? Или даже три? Просто я об этом не знаю, а мироздание вконец захопота-лось и не успевает отоваривать всех баб, как им положено?

– Так надо напомнить о себе! – деловито сказала Тяпа. – Предлагаю немедленно обратиться к уважаемому мирозданию с заявкой. Пусть проверит свои накладные и выяснит, выполняется ли в отношении нас норматив.

– Лучше вежливо попросить! – застенчиво посоветовала Нюня. И первой завела: – Дорогое мироздание! Не будешь ли ты столь любезно...

Под эту оригинальную молитву я и уснула.

Разбудил меня Левик. Он сунул белобрысую голову в окошко и, не разглядев в продавленной кровати меня, обратился к Софи, плечо и бедро которой высились над жесткой рамой провисшей панцирной сетки, как горная гряда над морем:

– Сонечка! Ты белье сняла?

– Да-а, милый, все сняла! – не открывая глаз, томно протянула Софи и с треском и скрипом пружин перевернулась на спину.

– Ой! – сказал Левик, испуганный гостеприимством этой позы и сладострастием, прозвучавшим в голосе моей соседки.

Я хихикнула. Левик, очевидно, хотел напомнить Соньке о необходимости сгонять на бельевую площадку и снять с веревок простыни и наволочки, а она восприняла вопрос в контексте своего эротического сновидения. Левик услышал мое веселое кудахтанье, повернул голову, поморгал, привыкая к сумраку, и обрадовался:

– Танечка, и ты здесь! Я войду?

– Ну войди же, войди! – капризно проныла Софи, нетерпеливо ерзая в постели.

– Что это с ней? – опасливо поинтересовался Левик, бочком-бочком продвигаясь мимо койки нимфоманки к лестнице, ведущей наверх, в голубятню.

– Не обращай внимания, – посоветовала я. – У Софи легкое сотрясение мозга. Ей сегодня глаз подсветили.

– А! Аскер постарался? – Левик, как подружка, был в курсе сердечных дел моей соседки.

– Почему сразу Аскер? – удивилась я.

– Так он нынче ночью отлупцевал половину личного состава «Флориды»! Наташка рыжая с утра пораньше прибежала к нам ссадину на скуле замазывать. Она сегодня в детской комнате дежурит, а вчера у Аскера на кассе сидела и попала под раздачу.

– Аскер этот просто зверь! – проворчала я. – Женщину бить, разве так можно? Не повезло Софи, подложило ей мироздание свинью, ничего не скажешь!

– Кто свинья? – недослышал Левик.

– Аскер, конечно, кто же еще!

Этот Сонькин приятель мне никогда не нравился. По-моему, он бандит. И бизнес у него самый что ни на есть бандитский: игровой клуб, казино и стрип-бар.

– Софи дура, что с ним связалась, – сказал сверху Левик. – И Наташка Рыжая тоже дура, работала бы себе воспитателем в детской комнате при пансионате, никто бы ей морду не бил.

– Все жадность людская! – вздохнула моя Тяпа.

– Ну, зачем вы так? – пристыдила нас Нюня. – Надо же понимать, у людей тут с работой очень плохо, заработать можно только в курортный сезон, вот и хватается народ за все разом.

– А у Наташки Рыжей маленькая дочка и муж-алкоголик, в такой ситуации не только на кассу сядешь, но и в койку ляжешь! – зевнув, сообщила пробудившаяся Софи.

Она с хрустом потянулась, мечтательно прищурилась на потолок и позвала:

– Левик, противный! Ты закрасишь мой фонарь?

– Нет, лапочка! Прости, с твоей красотой мне не справиться! – отозвался Левик.

Сонька вздохнула и возвестила:

– Нет в жизни счастья! – Потом опять вздохнула и просительно посмотрела на меня: – Танька, будь другом, сгоняй в «Рузанну» за бельишком, а? Мне с таким бланшем светиться в приличном месте неохота.

«Рузанна» – это новый оздоровительный комплекс, там все самое лучшее, современное и дорогое. Например, стиральные машины, мощностей которых хватает не только на обслуживание нужд здравницы, но и на нелегальные постирушки постельного белья для половины местных тетушек, пускающих постояльцев. Наша тетя Люся устроилась не хуже других людей, простыни и наволочки за ее гостями за умеренную плату стирает прачка «Рузанны», а разве-

шивает, снимает с веревок и утюжит бельишко наша Софи, за это тетя Люся приплачивает ей еще какие-то копейки.

Софи ходит в «Рузанну» в самом нарядном своем платье и лучших босоножках: все надеется мимоходом заарканить какого-нибудь богатенького дядечку из числа тамошних отдыхающих. Я глупо пижонить не люблю. На территорию «Рузанны» милым образом можно попасть прямо с тети-Люсиного двора, если хорошенько сплющиться и протиснуться между прутьями решетки. Такое упражнение лучше проделывать в спортивной форме, так что обула я кеды, а оделась в шортики и маечку. Втянула живот, без особого труда пролезла через решетку, легким спортивным бегом протрусилась на площадку в тылу роскошного административного корпуса и принялась снимать с веревок сухие простыни с чернильной монограммой «ТЛ» («Тетя Люся», ясное дело!). К сожалению, с большой стопкой чистого белья в руках проделать акробатический этюд с решеткой было бы затруднительно, поэтому в обратный путь я пустилась по мощеной дорожке, петляющей по территории комплекса. Никто на меня внимания не обращал, да и я по сторонам не глазела, вышла из «Рузанны» и целеустремленно зашагала по пыльной поселковой улице. Уже почти дошла до нашего двора, и вдруг...

Дверца автомобиля, который я обходила по узкому проходу между черным боком машины и облупившимся забором, распахнулась прямо передо мной. Не успев затормозить, я врзалась в нее, башня из простыней развалилась на составные части, и чистое постельное белье с монограммой «ТЛ» посыпалось на грязную мостовую.

– Козел-собака! – согласно охнули Тяпа и Нюня, а я обреченно закрыла глаза, представив, что скажет мне тетя Люся и как посмотрит на меня Софи, которую хозяйка непременно оштрафует за ущерб, нанесенный ее имуществу.

– О, простите! – виновато произнес мужской голос.

– Как же! – прошипели мы с Тяпой, выпуская когти и загибая пальцы крючочками.

Таким образом, первым делом я открыла рот, а уже потом глаза, однако последовательность могла быть и обратной. Если бы я сначала взглянула на этого парня, то и рот затем разинула бы совершенно точно: такого красивого мужика я в жизни не видела! Даже в кино! Даже во сне! Даже на разворотах «Плейбоя»!

Это был брюнет с умопомрачительными синими глазами, какие мне прежде доводилось видеть только у дорогих говорящих кукол. Представляете себе Кена в человеческий рост? Широкоплечего, длинноногого, с узкими бедрами? И вся эта нечеловеческая красота была упакована в нежно-голубой костюм, который его владелец совершенно не жалел: он обрушился коленками в дорожную пыль и принялся собирать тети-Люсины простыни.

– Встаньте! – повелела я голосом королевы Английской (дряхлой Елизаветы, со старческими хрипами). Горло от волнения перехватило, руки задрожали, роняя последние чистые простыни. – Сами-то хоть не пачкайтесь!

– Простите меня, ради бога! – взмолился он, стоя на коленях и глядя на меня снизу вверх изумительными сапфировыми очами.

– Прощаю! – единогласно постановили Тяпа и Нюня.

– Я-то вас прощаю, а вот меня кто простит? – добавила я от себя. – Софи разобидится, а тетя Люся на нас обеих такую епитимью наложит, что мало не покажется. Триста раз «Отче наш» и бесплатный сбор камней до скончания лета...

– Вы что, монашка? – растерялся брюнет.

– Ах, если бы! – вздохнула Нюня.

– Слава богу! – он размахисто перекрестился, и Тяпа моя не удержалась, спросила:

– А вы не монах?

– Опять же, слава богу! – незнакомец запоздало оценил, как комично выглядит наша благостная беседа над поруганными простынями, улыбнулся и встал, оказавшись выше меня почти на голову.

Мой смятенный взгляд застрял в ямочке его подбородка. Брюнет взял меня за руки, освободившиеся от груза простыней. Нюня тихо застонала, а Тяпа шепотом шикнула:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.